

Встречаются в романе и фактические неточности. Так, К. Герман придерживается старой и необоснованной теории о том, что Юстиниан был по происхождению славянином (стр. 55); в настоящее время теория славянского происхождения Юстиниана отвергнута исторической наукой¹. К. Герман называет Юстиниана властителем Африки (стр. 164), но, как известно, действие романа происходит в 532 г., тогда как Африка была завоевана византийцами лишь в 534 г. Монополии были введены позднее, слово «математик» в современном значении во времена Юстиниана не употреблялось, а означало лицо, занимавшееся тайными науками волшебства. Но таких неточностей в книге К. Германа немного.

Можно пожелать, чтобы книга К. Германа была переведена на русский язык. К сожалению, в нашей художественной литературе почти совершенно не находит себе места византийская тематика, несмотря на то, что история Византии была тесно связана с древнейшими судьбами нашей родины и, естественно, не может не интересовать широкие круги советских читателей.

М. Я. Сюзюмов, И. С. Чернова.

ИЗ ИСТОРИИ КИТАЙСКО-ВИЗАНТИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Работа китайского исследователя Ци Сы-хэ «Связи Китая с Византийской империей»¹ посвящена недостаточно освещенному в нашей общей и специальной исторической литературе вопросу. В ней сделана первая попытка показать отношения между этими странами на протяжении всей истории Византии.

Прежде всего Ци Сы-хэ обращается к этимологии китайских названий Византии: Лицзянь, Дацинь, Фолинь. Он решительно отвергает утверждение немецкого ученого Ф. Хирта о том, что Лицзянь, Дацинь, Фолинь являются названиями Сирии². «Вэй шу» («История царства Вэй»³) называет столицей Дацинь город Аньду. Ф. Хирт исходил из предположения многих историков, что Аньду есть китайское наименование Антиохии, древней столицы Сирии. Ци Сы-хэ согласен с тем, что Аньду — это Антиохия, но считает ошибочным утверждение, что Дацинь — это Сирия. По его мнению, Аньду названо в «Вэй шу» столицей Дацинь (Византии) по следующей причине: «Антиохия была самым известным городом Византийской империи в Западной Азии, с населением в 200 тысяч человек. Сюда во множестве стекались купцы Запада и Востока. Очевидно, ездившие в Западную Азию китайские купцы и послы ошибочно считали ее столицей Византийской империи» (стр. 8). Упомянутые в «Вэй шу» Дацинь и Лицзянь, по утверждению Ци Сы-хэ, являются названиями Рима, перенесенными на Византию, так как летопись написана приблизительно через 80 лет (554 г.) после падения Западной Римской империи.

¹ См. Ш. Диль. Юстиниан и византийская цивилизация. СПб., 1908, стр. 3 и 35, прим. 5; М. В. Левченко. Новый труд по истории Болгарии. ВИ, 1946, № 11—12, стр. 151.

² Ци Сы-хэ. Чжунго хэ Байчжаньтин дигоди гуаньси. Шанхай, Жэньминьчуданьшэ, 1956, 37 стр.

³ F. Hirth. China and the Roman Orient. Leipzig, 1885, p. VI. Нужно, однако, учесть, что в западноевропейской литературе мы встречаем и иную трактовку этих терминов. Уже Фердинанд Рихтофен (F. v. Richthofen. China, Bd. I, 1882, S. 535) считал, что термин Фолин обозначает Византийскую империю.

³ Царство Вэй существовало в 220—265 гг.

С эпохи Суй и Тан в китайской исторической литературе Византию стали называть Фолинь. Это слово является транскрипцией винительного падежа слова *πόλις*, которым называли Константинополь византийцы. Поскольку в древнекитайском языке не было мягко-губных звуков, слово это приняло вышеуказанную форму (Фолинь).

Кратко упомянув о связях Китая с Римом (неудавшееся путешествие китайского посла Гань Ина в Рим, желание Марка Аврелия в 166 г. н. э. установить торговые отношения с Китаем, приезд в 226 г. н. э. римского купца в царство У и его встреча с правителем Сунь Цюанем), Ци Сы-хэ переходит к рассмотрению китайско-византийских отношений по материалам истории династий.

Первым письменным памятником, зафиксировавшим сведения о Византии, является вышеназванная «Вэй шу». Она дает приблизительные данные о географическом положении империи, о имеющихся в ней огромных богатствах — кораллах, яшме и т. д., о богатых и нарядных костюмах византийцев.

Знаменитая танская энциклопедия «Тундянь» («Политический свод» — VIII в.) сообщает более подробные сведения о Византии, о ее огромных территориальных владениях, в состав которых входило «более четырехсот городов и несколько десятков вассальных государств», о морской торговле, о планировке столицы и о ее достопримечательностях (императорский дворец с хрустальным сводом), о переработке китайского шелка-сырца в Византии.

Об установлении непосредственных торговых и дипломатических отношений с Византией в период политического объединения и экономического расцвета Китая в эпоху Суй (581—619 гг.) и Тан (618—907 гг.) свидетельствует «Цзю Тан шу» («Старая история Тан» — X в.). Сообщаемые в ней сведения о Византии являются наиболее полными в китайской средневековой исторической литературе. По сравнению с предыдущими памятниками она дает более точное описание географического положения Византии: «Государство Фолинь, или Дацзинь, находится над Западным морем, на юго-востоке граничит с Персией. Оно простирается на десятки тысяч ли» (стр. 11). Здесь мы уже не встречаем упоминания Антиохии как столицы империи. «Цзю Тан шу» сообщает и некоторые сведения об управлении страной, которые подтверждаются материалами византийской истории. Соответствует данным византийских источников и описание богатств дворца (золото, серебро, мрамор, слоновая кость).

Однако ценность памятника не в этих описаниях, а в упоминании о приезде в Китай специальных послов византийских императоров: «Суйский император Ян Ди (правил с 605 по 618 г. — Ю. К.) неоднократно пытался установить связи с Фолинь, но ему это не удавалось. В 17-й год Чжэнь-гуань (643 г. — Ю. К.) фолинский император Бодоли (т. е. Ираклий — Ю. К.) прислал своих послов с красным стеклом, изумрудами. Император Тай-цзун (правил с 627 по 649 г. — Ю. К.) в своем послании благодарил за подарки и послал со своей стороны в дар узорные шелка. . . Во второй год Цянь-фэн (667 г. — Ю. К.) вновь прибыли послы. В год Да-цзу (701 г. — Ю. К.) приехала новая миссия. В первый месяц седьмого года Кай-юаць (719 г. — Ю. К.) их (т. е. византийцев. — Ю. К.) правитель прислал вождя Тухоло⁴, который преподнес в дар двух львов и две антилопы. Через несколько месяцев с дарами прибыл их священник» (стр. 13).

⁴ Тухоло — государство, существовавшее на территории нынешнего Афганистана.

Сведения об этих пяти миссиях подтверждаются и другим памятником «Тан хуйяо» («Трактат о политическом устройстве Тан» — IX—XI вв.). Кроме того, в «Цэфу Юаньгуй» («Сокровищница Библиотек» — составлена в 1005—1013 гг.) встречаем еще упоминания: «В двенадцатый месяц 2-го года Цзин-юнь (711 г. — Ю. К.) государство Фолинь послало дары», «В пятый месяц 1-го года Тянь-Бао (742 г. — Ю. К.) император Фолиня послал к нам священника» (стр. 15).

Ци Сы-хэ считает легко объяснимыми факты посылки восточно-римскими императорами послов в Китай. По его мнению, угроза военного нападения со стороны арабского халифата побудила византийских правителей попытаться установить связи с могущественной Танской империей. Это тем более вероятно, что за помощью к китайцам обращались и персы, но император Тай-цзун отказал им, так как организовать какую-либо помощь было делом невозможным⁵. Напомним, что посольство от Иракия прибыло в Китай в 643 г., на второй год после его смерти.

О том, что связи между Китаем и Византией существовали и в периоды после Тан, свидетельствуют «Сун ши» («История Сун» — XIV в.) и «Мин ши» («История Мин» — XVII—XVIII вв.). Но период Северной Сун (960—1126 гг.) характеризуется ослаблением китайско-византийских отношений, так как пути Китая на Запад были захвачены воинственными племенами, а сама Византия подвергалась нападению со стороны турок. Поэтому сведения о Византии в «Сун ши» не всегда соответствуют действительности, что давало раньше историкам повод сомневаться в наличии в то время византино-китайских связей. В ряде сочинений эпохи Южной Сун (1127—1279 гг.) имеются записи о Византии (Дацинь), однако их авторы, по мнению Ци Сы-хэ, черпали свои сведения из рассказов мореплавателей или просто пересказывали еще более древние источники (стр. 17). Но есть совершенно точные сведения о китайско-византийских связях во второй половине XIV в. По свидетельству «Мин ши», в конце династии Юань (правила с 1279 по 1368 г.) в Китай из Византии прибыл некий Негулюнь (китайская транскрипция неизвестного нам греческого имени). События, последовавшие за гибелью Юань, не позволили ему вернуться на родину. В четвертый год Хун-у (1371 г.) он был принят минским императором Тай-цзун, который просил уведомить византийского правителя об образовании династии Мин (1368—1644 гг.). Эти сведения «Мин ши» — последнее упоминание о связях Китая с Византией, которая через несколько десятков лет была покорена турками.

Предметом исследования второй главы книги является вопрос о проникновении в Византию китайского шелкопряда. Настоятельную необходимость в собственном производстве шелка в Византии Ци Сы-хэ правильно объясняет монополией Персии на всю шелковую торговлю между Востоком и Западом и длительными персидско-византийскими войнами, затруднявшими торговлю шелком. Автор критикует получившую в литературе распространение со времен Э. Гиббона версию о том, что якобы способ изготовления шелка в Китае сохранялся в тайне⁶ и поэтому персидские монахи путем обмана «недоверчивых туземцев» увезли шелкопряда

⁵ Здесь Ци Сы-хэ приводит вызывающее сомнения, но заслуживающее внимания сообщение из «Цзю Тан шу»: «В 661 г. последний персидский шах Пилус (может быть транскрипцией персидского имени Парвиз или Фируз. — Ю. К.) после гибели... государства бежал в Тан, где был назначен генералом; он умер в Китае» (стр. 16).

⁶ Эта точка зрения стала традиционной. Она встречается и в советской исторической литературе. Ср. Н. В. Пигулевская. Византия на путях в Индию. М.—Л., 1951, стр. 184. Эта точка зрения опирается, в частности, на известие китайского путешественника VII в. буддиста Вэнь Цзана, по рассказу которого китайская принцесса, выйдя замуж за правителя Хэтяня, вывезла «в вате своей шляпы» яйца

в посохе в Византию. «На самом деле, — пишет Ци Сы-хэ, — такие утверждения не имеют под собой никаких фактических оснований. Упоминание о таком законе (о запрете на вывоз шелкопряда. — Ю. К.) совершенно отсутствует в древней китайской литературе. Китайский метод изготовления шелка уже давно был распространен в Индии, в Западном крае (т. е. в Восточном Туркестане. — Ю. К.), в Персии⁷, и нигде нет упоминания о том, что в Китае существовал запрет на вывоз шелкопряда» (стр. 22).

Утверждение Э. Гиббона противоречит также наиболее подробному и близкому к действительности рассказу Прокопия о проникновении шелкопряда в Византию, в котором нет упоминания о запрете. Лишь Феофан (конец VI в.) сообщает о том, что персидский монах в посохе вывез шелкопряда. Он прямо не говорит о запрете, но в его рассказе содержится намек на кражу. Ци Сы-хэ считает, что монах, привезший в Константинополь шелкопряда, очевидно, приукрасил свой поступок, дабы получить большое вознаграждение (стр. 23—24).

Ци Сы-хэ специально не исследует вопроса, откуда был вывезен шелк, но встречающиеся в сочинениях Прокопия, Феофана и в других источниках названия «Серинда» или «страна серов» он трактует как Китай⁸. Иную точку зрения по этому вопросу мы находим в статье китайского историка Ци Сянь-ляня: «Так называемая Серинда — район Синьцзяна, очевидно Хэтянь (Хотан. — Ю. К.), так как Хэтянь — район, куда впервые проник китайский шелк. В древности в районе Хэтяня действительно проживали индусы. Поэтому и не удивительно, если индусы вывезли отсюда шелкопряда в Рим»⁹.

В третьей главе «Ввоз византийских товаров в Китай» Ци Сы-хэ критикует концепцию Э. Гиббона и последующих буржуазных историков о том, что страны Востока не нуждались в византийских товарах и потому восточный экспорт оплачивался Византией валютой. Автор опровергает это на основе данных китайских источников, содержащих большое количество сведений о товарах, ввозимых в Китай из Византии, и показывает, что между этими странами происходил широкий торговый обмен. Он отмечает работу предыдущих китайских исследователей, извлекая из различных источников большой материал об известных китайцам византийских товарах. Вместе с тем Ци Сы-хэ указывает на неполноту их выводов. Во-первых, они не использовали сведения сунской энциклопедии «Тай пин юй лань» (Императорский просмотр — 977 г. — Ю. К.) и, во-вторых, не различали товары византийского происхождения, привозимые в Китай, и товары, привозимые византийскими купцами для обмена из других стран. К первой группе товаров Ци Сы-хэ относит изразцы, кораллы, сукно, ртуть, добывавшуюся в Киликии (стр. 28). Ко второй группе он причисляет агат,

шелкопряда и семена тутового дерева. Это событие известный китаевед начала XIX в. Г. Ю. Клапрот отнес к 419 г. См. R. Henning. Die Einführung der Seidenraupenzucht ins Byzantinereich. VZ, 33, 1933, S. 298, 301.

⁷ О распространении шелка в этих странах см. Ци и Сянь-лянь. Первоначальное исследование вопроса о проникновении китайского шелка в Индию. Журнал „Лиши яньцзю“ („Изучение истории“), 1955, № 4.

⁸ Вопрос о локализации Серинды уже свыше трехсот лет дискутируется в научной литературе — начиная с С. Бохарта, который отождествил ее с Цейлоном (S. Bochart. Geographia sacra. Saep, 1646), не учитывая, что жители Тапробаны — Цейлона лишь торговали шелком, но не возделывали его. По мнению Хеннига (R. Henning. Die Einführung. . ., S. 306), под Сериндой, о которой говорит Прокопий, нужно разуметь либо Согдиану, либо Хэтянь, причем он склонен принять первое предположение. Н. В. Пигулевская („Византия на путях в Индию“, стр. 196 сл.) также считает, что Серинда — это „Средняя Азия, в которой трудолюбивые и искусные согды занимались ремеслом и торговлей“.

⁹ Ци и Сянь-лянь. Первоначальное исследование вопроса. . ., стр. 68—69.

хрусталь, яшму, алмазы, жемчуг, янтарь, изделия из черепаших щитков и различные пряности.

Ци Сы-хэ не отрицает того факта, что византийцы платили наличной валютой за китайские товары. Но ни в одном из китайских источников нет упоминания о византийских деньгах. Правда, в последнее время в провинции Шэньси найдена одна византийская монета, которую автор, к сожалению, не датирует. Эта находка, по словам Ци Сы-хэ, еще одно подтверждение того, что торговля протекала главным образом в форме товарообмена (стр. 31—32)¹⁰.

В последней главе упоминается о появлении в Китае византийских актеров — фокусников и об их большом влиянии на развитие этого жанра китайского искусства, о чем свидетельствует «Тундянь». Основное же содержание главы — это вопрос о проникновении в Китай несторианства, положившего начало распространению в Китае христианства вообще. По времени это относится к эпохе Тан, когда наряду с буддийской религией получили распространение ислам, зороастризм, манихейство. Данный вопрос исследуется автором на основе надписи на каменной плите с китайским и сирийским текстами, найденной крестьянами в провинции Шэньси в 1625 г. Она дает возможность установить деятельность несториан¹¹ в Китае в эпоху Тан. Так, в 9-й год Чжэнь-гуань (635 г.) в Чанань (столицу империи) прибыл византийский священник Аполлон, с почестями встреченный императором, а в 12-й год (638 г.) был построен византийский храм, в котором служил 21 человек. Храмы были и в Лояне, а также в пяти районах провинции Ганьсу. Кроме службы в храмах, несториане занимались также переводом священных книг на китайский язык.

В исторических памятниках до 745 г. византийские храмы назывались персидскими. Ци Сы-хэ объясняет это тем, что в то время центр несторианства был в Персии. Аполлон, очевидно, также прибыл из Персии, и потому в «Тан хуйяо» он назван персидским священником. В 745 г. храмы стали называться византийскими. Ци Сы-хэ согласен с мнением китайского исследователя надписи Фын Чэн-цзюня, что в связи с усилением Арабского халифата и гибелью Персии Танская империя по просьбе несториан, не желавших, чтобы китайцы смешивали их религию с исламом и зороастризмом, переименовала храмы в дациньские. И здесь он вновь отвергает точку зрения Фын Чэн-цзюня, который вслед за Ф. Хиртом считает Дацзинь Сирией лишь потому, что Несторий — сириец. Ци Сы-хэ легко опровергает этот довод: Несторий родился в Сирии, но сам был римлянином. Автор считает, что эта точка зрения Фын Чэн-цзюня противоречит его же утверждению, согласно которому усиление халифата и гибель Персии заставили несториан переименовать храмы: «В это время погибла Персия. Сирия уже не принадлежала Византии. Монахи-несториане, желая четко отграничить свою религию от ислама и зороастризма, заявляли, что их религия вышла из Дацзинь (т. е. Византии. — Ю. К.), которая по-прежнему существовала и которую знали китайцы. Это можно себе представить. Но как можно допустить, будто они (несториане. — Ю. К.) утверждали после гибели Персии, что их религия из Сирии, если вспомнить, что Сирия еще за шесть лет до Персии попала под власть арабов» (стр. 35—36).

В 845 г. храмы эти по приказу танского императора были снесены.

Таково основное содержание интересной работы Ци Сы-хэ.

¹⁰ Данные нумизматических находок в согдийской Средней Азии, по мнению Н. В. Пигулевской («Византия на путях в Индию», стр. 200), указывает «на тесную торговую связь Византии и Китая».

¹¹ Несторианство по-китайски «Цзинцзяо», что означает «Великая религия».

Эта книга свидетельствует об интересе китайских ученых к проблемам истории Византии, о зарождении китайской византистики — новой для этой страны отрасли научных знаний. Книга Ци Сы-хэ является ценным собранием свидетельств китайских средневековых памятников о далекой Византии, позволяющим уточнить некоторые вопросы византино-китайских отношений; так, в частности, она дает сведения о большем числе византийских послов, ездивших в Китай, чем это было известно Г. Ю. Клапроту и Р. Геннигу.

Не всегда доводы Ци Сы-хэ звучат убедительно, особенно в части, касающейся доказательств того, что Лицзянь — это Византия. Автор отрицает точку зрения, согласно которой Лицзянь — египетская Александрия. «Хотя эта концепция и искусно обоснована, однако нет звукового соответствия (между Лицзянь и Александрией. — Ю. К.), тем более что Александрий было много. Откуда же известно, что это именно египетская Александрия?» (стр. 5). Но почему Лицзянь — Византия, Ци Сы-хэ не доказывает.

Недочеты рецензируемой книги отчасти объясняются ее объемом (37 стр.) и большим количеством поставленных в ней вопросов. Все наши замечания ни в коей мере не умаляют ценности работы, написанной на основе свежего фактического материала.

Ю. Костин.

ΙΑΚΩΒΟΣ ΤΡΙΒΩΛΗΣ ΠΟΙΗΜΑΤΑ

hrsg, übers. und erkl. v. I. Irmsher. Akademie-Verlag.

Berlin, 1956, X, 121 S.

Институт греко-римских древностей при Немецкой Академии наук в Берлине приступил к изданию серии «Berliner Byzantinistischen Arbeiten». В серии этой намечено публиковать исследования членов Берлинской византиноведческой группы, созданной при Институте, и византийские тексты с переводом и комментарием. Рецензируемая книга, подготовленная видным специалистом по греческой филологии профессором И. Ирмшером, открывает собой эту серию.

Волна греческой эмиграции, вызванной турецким завоеванием, сделала остров Корфу одним из центров греческой образованности. Здесь, по-видимому, в последних годах XV в. и родился Иаков Триволис, член знатной семьи, по всей вероятности незадолго до того переселившейся на Корфу из Пелопоннеса¹. Известно, что он занимал у себя на родине ряд высоких должностей, бывал в Италии и испытал глубокое воздействие ее культуры. В 1526 г. он женился, имел сына. Год его смерти неизвестен.

¹ Впрочем, сведения на этот счет противоречивы. Согласно другим данным, родина Триволисов — Генуя (см. рецензируемое соч., стр. 14, 15; E. Denissoff *Maxime le Grec et l'Occident*. Paris, 1943, p. 119, note 6). Пелопоннес был родиной известного в свое время ученого переписчика корфиота Димитрия Триволиса, жившего во второй половине XV в. И. Денисов (E. Denissoff. *Op. cit.*, p. 125) полагает, что Димитрий был отцом Иакова, что, однако, нельзя считать окончательно установленным (единственный довод в пользу этого — имя сына Иакова — Димос, возможно названного так в честь деда). Недостаточно аргументирована, на наш взгляд, и заманчивая гипотеза Денисова (E. Denissoff. *Op. cit.*, p. 129 sq.) о том, что знаменитый Максим Грек приходился племянником Димитрию Триволису и, следовательно, двоюродным братом нашему поэту. Вместе с тем вполне вероятно, что уроженец Арты в Эпире Максим Грек [= Михаил Триволис, как убедительно показал Денисов (E. Denissoff. *Op. cit.*, p. 101 sq.)] состоял в родстве с корфиотскими Триволисами. К сожалению, Ирмшер не останавливается на интересных предположениях Денисова. Фамилия Триволис по сей день встречается на Корфу и в Афинах. Отметим, что труд Ирмшера посвящен памяти его учителя профессора Дионисия Триволиса.